

В. ВЕЛЧЕВ

А. С. ПУШКИН И БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александр Сергеевич Пушкин, родоначальник новой русской литературы, «начало всех начал» и «самое полное выражение духа русского народа», по словам Максима Горького, — великий русский и мировой писатель-гуманист. Его творчество, глубокое и всеохватывающее, как сама жизнь, страстно устремленное вперед, всегда останется актуальным и волнующим. Великий критик Белинский правильно писал о нем: «Пушкин принадлежит к вечно живущим, движущимся явлениям, которые не останавливаются в той точке, в которой застала их смерть, а продолжают развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит над ними свой приговор, и как бы верно она их ни поняла, всегда остается и следующей эпохе сказать что-то новое, более верное».

Творчество Пушкина, отразившее основные стремления эпохи между XVIII и XIX веками, эпохи, когда всю Европу охватило освободительное движение, несет в себе предпосылки своего влияния и в других странах, развитие которых выдвигает задачи, подобные тем, которые оно разрешало в своей стране и в свою эпоху.

В Болгарии, судьбой которой Пушкин интересовался во время своего пребывания в Бессарабии, поэт является одним из наиболее любимых русских писателей. Он оказывает большое влияние на развитие болгарской литературы, меняющееся, впрочем, как по своему характеру, так и значению в зависимости от условий исторического момента. Мы попытаемся дать общую синтетическую картину проникновения творчества Пушкина в Болгарию и его влияния, опираясь на некоторые констатации по отдельным вопросам, сделанные в исследованиях болгарских и советских литературоведов —

И. Д. Шишманова, Б. Пенева, П. Динекова, Н. М. Копержинского, Н. С. Державина, С. Русакиева, Г. Найденова и др., добавив к ним наши наблюдения и собранные нами факты.

* * *

В болгарскую литературу автор «Евгения Онегина» входит благодаря переводам, переработкам, критическим статьям еще до освобождения Болгарии, в период национально-освободительного движения в 50—60 годах XIX века. Именно в это время создается болгарская национальная литература, преодолеваются первые ученические опыты в области новоболгарской поэзии, формируется критический реализм во главе с П. Р. Славейковым, Л. Каравеловым и Хр. Ботевым. И именно в то время, прежде чем появиться в переводе и сделаться, таким образом, достоянием массового читателя, прежде чем пленить воображение наших поэтов и сделаться их учителем в поэзии, прежде чем привлечь внимание наших критиков, Пушкин читается в оригинале болгарями, обучавшимися в России в 40—50 годах прошлого века. В числе воспитанников русских учебных заведений было немало будущих деятелей литературы, поэтов, фольклористов, переводчиков (Н. Геров, Б. Петков, Д. Чинтулов, Н. Михайловский, А. Чолаков, Ив. Богоров и др.). Они впервые и знакомят болгар с именем Пушкина.

В это время имя Пушкина начинает встречаться и в болгарской критике. Впервые оно упоминается в болгарской печати в статье неизвестного автора, напечатанной в газете «Царьградский вестник» в 1848 году. Автор статьи называет его «сатириком». Идет ли здесь речь об А. С. Пушкине или о его дяде Василии Львовиче Пушкине, установить трудно. Позднее первый болгарский литературный критик Нешо Бончев (1839—1878) в своей статье говорит уже о направлениях в болгарской литературе, о настоящем Пушкине, указывая одновременно на русскую литературу как на образец для болгарской. Говоря о реализме и национальном характере русской литературы, он указывает на творчество Крылова, Пушкина и Гоголя как на наиболее блестящее выражение этих особенностей русской литературы. В 1875 году появляется специальная статья, озаглавленная «Поэзия Пушкина», принадлежащая перу известного деятеля народного просвещения Иоакима Груева. Говоря о некоторых моментах из жизни Пушкина, останавливаясь на некоторых его поэмах, автор особенно подчеркивает национальный характер его творчества.

Критическая литература о Пушкине связывается главным образом с торжествами по случаю открытия ему памятника в Москве в 1880 году. В это время особенно ходким был

взгляд на Пушкина, высказанный Достоевским в его известной речи на этих торжествах.

Но гораздо более важно то, что вместе с этим появляются первые плоды творческого контакта наших поэтов с Пушкиным. Как свидетельствуют последние исследования, первый известный болгарский поэт-демократ П. Р. Славейков (1827—1895) с большим интересом читает поэтические произведения Пушкина как в хрестоматиях Чолакова и Фименова, так и в отдельных изданиях и пр. В своем сборнике «Смесена Китка» (1852) П. Р. Славейков в вольном переводе дает стихотворения «Не пой, красавица, при мне», «Погасло дневное светило» и др. Позднее он переводит стихотворения Пушкина «Если жизнь тебя обманет», «Я пережил свои желанья», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Эпиграмма» и др.

Необходимо специально подчеркнуть, что как в своих переводах, так и в переработках Петко Р. Славейков относится к оригиналу очень свободно и проявляет известную самостоятельность. Местами его переводы даже расходятся с оригиналом. Борясь за торжество болгарского национального дела, Славейков выбирает для перевода такие произведения Пушкина, идейная направленность которых оказывает содействие в борьбе болгарского народа за свое освобождение. Так, в момент разгара идеологической борьбы он публикует перевод стихотворения Пушкина «Совет», причем прямо указывает, что это стихотворение написано «по Пушкину», чего он не делает в других случаях. Ясно, что Славейков хотел тем самым увеличить впечатление, произведенное им на читателя ссылкой на авторитет Пушкина.

Характерной для отношения Славейкова к Пушкину является его переработка стихотворения «Не пой, красавица, при мне» (у Славейкова оно называется «Канарче», по-русски — «Канареечка»). Обращает на себя внимание тот факт, что Славейков переносит место «действия» из Грузии в Болгарию, что он в известном смысле устраняет романтическую неопределенность и загадочность, окружающие молодую девушку, и создает более определенный образ. Однако наиболее существенным и знаменательным в этом случае является то, что Славейков дает почувствовать образ своей родины, которую он покинул. Так лирическим героем стихотворения в переработке Славейкова оказывается человек, покинувший свою угнетенную родину и в силу этого лишившийся дорогой для него дружбы. Личный момент стихотворения Пушкина оказывается, таким образом, обогащенным социальным.

Особенно интересна переработка П. Славейковым замечательного стихотворения Пушкина «Поэт и толпа». У Славейкова оно называется «Поет и сган» («Поэт и чернь»). Здесь русский поэт близок к болгарскому быту, он становится народ-

ным скрипачом. Вместе с тем обращает на себя внимание и то, что у Славейкова сгущены краски при изображении толпы, показано ее отрицательное, непримиримое отношение к поэту. Однако наиболее существенным изменением, внесенным Славейковым в его переработку, является то, что он не отрывает поэта от толпы, не дает его в романтической возвышенности и непримиримости по отношению к другим, а показывает его человеком, стремящимся привлечь массы к национальному делу поработанного болгарского народа. Поэтому это стихотворение заканчивается у Славейкова совсем не так, как в оригинале: поэт упрекает своих соотечественников за их безразличия к национальным интересам и в то же время сочувствует им, сожалея, что они попали в такое положение, в котором виноваты условия рабства:

Но там дет ги гадеше
За тях пак със сълзи плачеше.

Пушкин оказал значительное воздействие и на творчество основоположника новоболгарской поэзии. Особенно типичными в этом отношении являются его замечательные элегии «Не пей ми се» («Мне не поется») и «Жестокостта ми се сломи» («Моя жестокость сломлена»). Это одни из лучших и самых значительных произведений поэта, в которых он выражает свое эстетическое кредо, определяет свое отношение к действительности, ставит и разрешает вопрос о месте искусства в жизни, о роли поэта в обществе. И именно в этих произведениях, очень характерных для всего творчества поэта-гражданина Петко Славейкова, он испытал на себе воздействие Пушкина.

Стихотворение «Поэт и толпа» А. С. Пушкина ставит перед Славейковым вопрос о роли поэта в обществе, о его отношении к массам и т. д. Благодаря этому стихотворению он глубоко осознает важность этого вопроса, считает необходимым решить его для себя как поэта, стремится занять ясные эстетические позиции. Однако он понимает это произведение Пушкина в духе романтического противопоставления поэта толпе, он видит его лирического героя оторванным от масс, живущим в гордом уединении. При самом же решении этого вопроса Славейков идет другим путем, руководствуясь условиями болгарской жизни, своим собственным отношением к болгарской действительности, своими личными особенностями. Славейков не следует за Пушкиным в том резком и непримиримом противопоставлении творческой личности массам, которое он в то время видел в произведении Пушкина. Наоборот, в элегии «Не пей ми се» («Мне не поется») он дает волю своей скорби, своему разочарованию в апатии и рабском равнодушии народа, которому он служит, духовному и политическому развитию которого он посвятил свою жизнь.

Но если эта элегия заканчивается решением прекратить работу, прекратить «петь» (как он выражается) о таком апатичном народе, решением забросить свою лиру и ждать другое время, появление другого, более достойного поколения, то в другой своей элегии «Жестокостта ми се сломи» («Моя жестокость сломлена») Славейков рисует уже другого лирического героя. Он возвращается к своему народу, дает себе отчет в том, что условия рабства являются причиной народной пассивности и безразличия. Раскаиваясь в своем жестоком отношении к народу, он сочувствует его страданиям, снова готов работать для него. Очевидно, что при создании этих стихотворений Славейков испытал несомненное воздействие Пушкина, что от него он получил импульс для их написания. Но одновременно, создавая лирического героя, внутренне глубоко связанного с обществом, он проявил самостоятельность и сохранил свою творческую автономию¹.

Счастливый творческий контакт П. Р. Славейкова с русским поэтом значительно содействовал его росту, его оформлению как поэта-реалиста и демократа. Славейков в стихотворении «Пушкину» указал на свою глубокую связь с русским поэтом. В этом стихотворении мы читаем знаменательную строфу:

Не бе ми брат,
по муза беше ми познат,
но мил ми бе от брат по-много.
(Он не был братом,
по музе мне знакам когда-то,
но брата был он мне милее).

(Перевод Г. А. Тагамлицкой)

Имя Пушкина связано и с болгарским революционным демократом Л. Каравеловым (1834—1879). Л. Каравелов учился в России, провел десять лет в Москве и не мог не знать Пушкина, несмотря на то, что его больше пленяли Гоголь, Герцен, Огарев, Чернышевский и др. Творчество Пушкина начало его интересовать после знакомства с произведениями Белинского. Каравелов печатает повесть Пушкина «Кърджали» (перевод Грекова, 1874) в своей газете «Независимост». Для своей повести «Наказал ги бог» («Их наказал бог»), вышедшей на сербском языке, Каравелов использует в качестве эпиграфа стих Пушкина:

В надежде славы и добра,
Идем вперед мы без боязни, —

находя в творчестве Пушкина опору для своего социального оптимизма.

Не избегает очарования пушкинской музыки, несмотря на всю яркую самобытность своего таланта, и гений болгарской поэзии, революционный демократ Хр. Ботев (1848—1876).

¹ См. В. Велчев. Въздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през XIX век. Издание на Българската академия на науките. София, 1958, стр. 47 сл., 53 сл.

Ботев хорошо знал поэзию Пушкина, читал его запрещенные стихотворения, знал наизусть многие его произведения. По свидетельству его товарищей, учась в Одессе, Ботев декламировал «от всего сердца и от всей души» стихотворения Пушкина. Влияние пушкинского творчества на Хр. Ботева осуществляется прежде всего на почве национальных традиций болгарской литературы, на почве народного героического эпоса. Ботев очень любил болгарские народные песни, свои первые поэтические впечатления он получил от матери, которая знала много народных песен и пела их ему. Особенно важным для нас является в данном случае уверенность в том, что Ботев видел сходство между духом пушкинской поэзии и народным героическим творчеством, что именно это сходство привлекало его к творчеству Пушкина и других поэтов, в произведениях которых он чувствовал пафос близкий к пафосу героического эпоса. Передавая в своих воспоминаниях слова самого поэта, мемуарист Иван Андонов, говоря о раннем интересе Ботева к болгарским народным песням, приводит его собственные признания, в которых он объясняет и свой интерес к поэзии Пушкина: «В детстве я слушал мою мать, которая знала и пела около трехсот песен, записанных и запомненных мною. Я часто их пел. Это внедрило в мою душу склонность к поэзии, а особенно к нашим народным болгарским песням. Вот почему я изучил прежде всего Пушкина, Байрона, Лермонтова и др.».

Можно говорить о том влиянии, которое оказала поэзия Пушкина — в первую очередь его «Я пережил свои желанья», «Няне», «Погасло дневное светило» — на замечательную исповедь Ботева «Майце си» («Моей матушке»). На стихотворения Ботева «Борьба», «Георгиев день», «Дележь» определенное воздействие оказали стихотворения Пушкина «Вольность», «Стансы», «Поэту» и др. В данном случае могут быть проделаны даже некоторые текстологические сближения, проведены параллели в области настроения, отношения к действительности, может быть отмечена известная близость некоторых моментов образной системы и пр. Однако наиболее обоснованным является сближение со стихотворениями Пушкина «Я пережил свои желанья» и «Няне» элегии Ботева «Майце си», в которой выразились неудовлетворенность жизнью, чувство одиночества, поиски последней утехи в близком сердцу человеке. Мы должны, однако, отметить и значительное различие в этих стихотворениях. Оно выражается прежде всего в том, что у лирического героя стихотворения Ботева более определенно выступают социальные причины его скорби, что он не удовлетворен своей средой, чуждой его патриотическим чувствам, что его грусть является плодом столкновения патристически настроенного юноши с суровой действительностью, не

дающей ему возможности реализовать свои мечты об общественном подвиге.

Из остальных стихотворений Ботева наиболее близка к поэзии Пушкина, а именно к стихотворению «Стансы», сатира «Георгиев день», в качестве эпиграфа к которой поставлены слова Пушкина «Паситесь, мирные народы». Несомненно, что стихотворение «Стансы» дало толчок поэтической мысли Ботева, что пушкинский образ отсталости народов, их социальной незрелости, его мысль, что сеятели свободолюбия рано начали свое дело, произвели впечатление на болгарского поэта. Одновременно с этим нельзя, однако, не заметить разницы в эмоциональном тоне стихотворения Ботева, важных нюансов в созданном им образе, являющемся прямым отражением болгарской действительности того времени, в которое творил автор. Если лирический герой стихотворения Пушкина примиряется с пассивностью, отсталостью, социальной незрелостью народов, то Ботев присматривается к этим причинам, сатирически разоблачая роль традиции и церкви, притупляющих освободительные стремления масс. Ирония и сарказм стихотворения Ботева зовут не к примирению, а к борьбе.

Несмотря на наличие несомненного влияния поэзии Пушкина на отдельные стихотворения Ботева, значительно более важным является воздействие великого русского поэта на общий дух поэзии Ботева. Пушкин пленял его яркостью и простотой изображения, свободолюбием, борьбой против самодержавия, своим жизнеутверждающим пафосом. Надо признать, что воздействие это является благотворным, творческим, оно содействует более яркому выявлению самобытности Ботева.

Именно в этом смысле надо понимать и принимать утверждение марксистского критика Г. Бакалова, который говорил, что «Ботев знал всего Пушкина, включительно и его запрещенные стихотворения, и влияние политической лирики Пушкина на всю поэзию Ботева отчетливо чувствуется».

Пушкин не был чужд и самому крупному болгарскому драматургу В. Друмеву (1838—1901). Своей исторической трагедией «Борис Годунов» Пушкин подсказал Друмеву для его драмы «Иванко» некоторые сюжетные ситуации, способы характеристики персонажей и, главным образом, роль народа.

Ясно, что Пушкин в этот период очень глубоко проникает в болгарскую литературу не только благодаря переводам, переработкам, критическим статьям, но и благодаря своему влиянию на ведущих болгарских поэтов. Его муза окрылила наших борцов за права народа, указывая на поэзию как на оружие борьбы, участвуя вместе с ними в борьбе за культурное самоопределение и национальное освобождение болгарского народа. С точки зрения литературного развития, особенно важно отметить, что Пушкин заостряет внимание болгарских

писателей на серьезных вопросах современности и утверждает их в критико-реалистическом методе.

Пушкин не перестает быть актуальным и в период после освобождения Болгарии (1877—1878) до второй половины 90-х годов XIX века. В условиях быстрого развития капитализма главной задачей литературы является разоблачение буржуазного общества, резко отрицательное изображение героя эпохи — рыцаря капиталистического накопления. В это время на болгарский язык переводятся не только лирические стихотворения и эпиграммы Пушкина, но и большинство его крупных произведений — «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Монах и Сальери», «Дубровский» и др. Многие из них имеют по нескольку болгарских переводов. Особенно характерным является то, что среди переводчиков Пушкина мы встречаем крупных писателей того времени — Ив. Вазова, Ал. Константинова, Кирилла Христова и др.

Однако гораздо больший интерес представляет то влияние, которое оказывал Пушкин на болгарских поэтов того времени. Его горячим поклонником в течение всей своей жизни был народный поэт Ив. Вазов (1850—1921). Познакомившись впервые с поэзией Пушкина еще в 1865 году в Калофере, где он жадно глотал «русские книги», «сочинения Белинского, Лермонтова, Пушкина», Вазов признавал, что русская литература «сыграла большую роль» в его развитии, что она открыла ему «целый новый мир», выработала в нем «новый вкус». И нет ничего удивительного в том, что еще в 1870 году Вазов пишет стихотворение «Борьба», которое очень напоминает стихотворение Пушкина «Чернь». Известное поэтическое влияние Пушкина можно заметить в популярном стихотворении Вазова «Паисий» из «Епопея на забравените» («Эпопея забытых»). Здесь имеется в виду монолог Пимена в «Борисе Годунове». Не без поэтического влияния Пушкина написано и стихотворение «На Ком», эпиграфом к которому служит отрывок из стихотворения Пушкина «Кавказ». Мы можем пойти дальше и добавить, что в некоторой степени вазовская поэма «Грамада» («Громада») напоминает отдельные моменты из исторической поэмы Пушкина «Полтава» (например, описание богатства Цеко; в «Полтаве» — Кочубея). Но более существенным является влияние Пушкина на творчество Вазова в целом, на воспитание его художественного вкуса, на его художественное мастерство. И именно в этом отношении Вазов оставил нам знаменательное признание: «Пушкин и Лермонтов открывали мне тайну стихотворного творчества, давали мне уроки музыки речи, красоты формы, выразительной краткости мыслей».

Насколько глубоко запечатлелся образ Пушкина в сердце народного поэта Ив. Вазова, видно хотя бы из того факта, что

он не только выступает с замечательными высказываниями о поэте, но и посвящает ему замечательные стихотворения. Еще в 1885 году он печатает стихотворение «Пушкин». В тоне задушевной исповеди четырехстопным ямбическим стихом, отражающим своим ритмом драматический тон чувств, Иван Вазов выражает свое признание Пушкину за ту роль, которую сыграло в его жизни творчество великого поэта. Оно помогло ему превозмочь тяготы той бурной общественной действительности, в которой Вазов живет в годы после освобождения его отечества. Тяготы эти по временам становятся настолько невыносимыми и создают в душе поэта такое подавленное настроение, что жизнь становится ему немилой, и он призывает смерть, которая должна освободить его от этой жизни. И именно в такую минуту Пушкин, благодаря исключительному обаянию своей поэзии, становится врачом его страданий, его спасителем.

И казах си. о смърт, земи ме,
тоз ад в гърди ми прекрати!..
Но ето Муза посети ме
небесна и ме укроти.
(Я звал: о смерть! расти мне тело
и ад в душе мне успокой!
Но Муза с неба прилетела
и вновь дарила мне покой).

(Перевод Г. А. Тагамлицкой)

И Пушкин не только успокаивает поэта, но и подсказывает ему, что творчество, поэзия помогают превозмочь тяготы жизни, ее страдания. Не случайно сам Вазов в подзаголовке к цитированному стихотворению дает два слова «Бури и мелодии». Великий русский поэт вдохновил его на эти образы. Осененный музой своего собрата по перу, Вазов признается:

И вдъхновен, във песни аз
излях душата си какърна.
(И, вдохновенный, в песнях я
излил тоскующую душу!)

(Перевод Г. А. Тагамлицкой)

Начав свое стихотворение с отчаяния, Вазов кончает его ликующим оптимизмом. Поэт должен не роптать, а благодарить судьбу за те исключительные дарования, которых она его удостоила:

Певец! на бога не гълчи!
Той в теб два дара чудни лее:
сърце — от язви да более,
поезия — да ги лечи!
(Певец! На небо не ропщи!
Оно тебе два дара дало:
чтоб сердце — ранами страдало
и чтоб стихом его лечить!)

(Перевод Г. А. Тагамлицкой)

Другое свое стихотворение, озаглавленное «Стогодишнината на Пушкин» («Столетие Пушкина»), Вазов пишет к самой дате отложенного чествования великого поэта — 26 мая 1899 года. Это доказывается не только данными, почерпнутыми из тогдашней прессы, но и письмом самого Вазова Ив. Д. Шишманову от 31 мая 1899 года, в котором он, посылая последнему свое стихотворение для печати, сообщает, что «оно связано с торжеством, которое к сожалению не состоялось». При этом Вазов добавляет, что при печатании стихотворения нужно сделать «примечание». Торжество состоялось приблизительно через месяц после этого, и не было нужды в таком примечании. В сентябрьском номере журнала «Българска сбирка», в котором стихотворение впервые было опубликовано, в примечании был указан повод, который послужил написанию стихотворения: «Продекламировано в «Славянской беседе» в Софии по случаю празднования Пушкинской годовщины». Уже в сборнике «Под нашето небе» («Под нашим небом») Вазов в расширенном примечании к заглавию сообщает, что стихотворение было продекламировано 29 июня 1899 года. Следует особенно подчеркнуть, что в исторических условиях того времени, когда в Болгарии велась острая и ожесточенная борьба за русскую или западноевропейскую ориентацию, это стихотворение Вазова явилось очень актуальным, выражающим его преклонение перед Россией и дающим отпор русофобским настроениям некоторых тогдашних политических кругов.

В «Стогодишнината на Пушкин» («Столетие Пушкина») горячий восторг народного поэта перед славянством, перед русским народом и перед его поэтическим гением, который так мощно и величественно представляет Пушкин, сливается в одно целое с его патриотизмом, с гордостью за себя, за то, что он болгарин и славянин и что он вместе с болгарским народом разделяет славу своего великого славянского брата. Это чувство народного поэта вырастает в настоящее преклонение, поднимается до неподдельного пафоса, выливающегося в плавные стихи, в энергичный, насыщенный естественными ударениями ритм смешанного шестистопного ямба, в торжественную, архаизованную лексику.

И ний ведно с Русия великата ѝ слава
празнуваме — поета ѝ празнуваме любим,
и нам душата отклик на радостта ѝ става
в триумфа ѝ се месим и гордостта ѝ делим.

(И мы с Россией великою вместе
и славу празднуем, и любим праздник поэта,
и душа откликается на радость
и ее триумф объединяем и с гордостью разделяем).

Для нашего народного поэта Пушкин не только русский поэт, а «гений славянски», «братски певец» на «децата балкански». Особенно замечательный образ Пушкина создает

Вазов тогда, когда он рисует поэтическую мощь русского поэта. Давая простор поэтической гиперболе, чтобы показать всю силу обаяния художественного слова Пушкина, он сравнивает его стих с музыкой Орфея. Чтобы показать, насколько велико дело Пушкина, он сравнивает его с «волшебными мирами», которые поэт нам оставил. Под пером Пушкина славянская речь доведена до исключительной мощи и звучности.

Столетия ще минат,
а славата му мила се громка ще ехти,
във любовата народна ща расне исполинът
с напевите си чудни, с високи си мечти.

(Промчится век, и не один,
а слава все милее, звончее, чем бывало,
любовью народной все выше исполни
в своих напевах чудных, высоких идеалах).
(Перевод Г. А. Тагамлицкой)

Стихотворение заканчивается патетическим прославлением родины поэта, которая проявила свое величие и тем, что родила Пушкина.

Привет, земля велика, по шир, по брой, по сила —
по дух, велика също — що Пушкина роди:
чело по-славно нивга с венци не си красила
ни толкоз сладко били са руските гърди!

(Привет земле — великой числом, простором, силой
и духом величавой — что Пушкина дала,
ведь сердце никогда так сладостно не билось,
венками не венчали столь славного чела).
(Перевод Г. А. Тагамлицкой)

Интересные признания относительно проникновения творчества Пушкина в Болгарию и его воздействия на отдельных болгарских писателей дает Т. Г. Влайков (1865—1943) в своих автобиографических работах «Преживяното» («Пережитое») и «Завои» («Повороты»). Еще в 80-х годах, будучи учеником Софийской гимназии, он знакомится с произведениями великого поэта и так передает свои впечатления от его творчества: «Вот и Пушкин, которым так восхищались мои товарищи. Беру первый том его сочинений. Взглядываюсь прежде всего в его портрет. Какое внушительное лицо. Крупная голова, густые кудрявые волосы, а по бокам кудрявые бакенбарды, высокий лоб, большие пламенные глаза, толстые губы. Одет в особое платье, которое носили в то время. Легко и с большим наслаждением читаю воссозданные им с большой художественностью народные сказки: «Руслана и Людмилу», «Царя Салтана», «Золотую рыбку»... Немного труднее понимаю его лирические стихотворения, но чувствую их большое совершенство. Вдумчиво прочитываю в другом томе его баллады и поэмы, из которых некоторые я уже читал в хрестоматии».

тиях. Начинаю читать и роман в стихах «Евгений Онегин». Но понимаю его с трудом, почему и забрасываю. Но легко и с увлечением читаю его прозаические произведения, особенно «Капитанскую дочку»².

Признания Влайкова на этом не останавливаются. Он рассказывает очень драматическую историю своих поисков в то время, когда решил стать писателем. Будучи студентом филологического факультета Московского университета, он продолжает знакомиться с творчеством Пушкина, читает Писарева, позднее Толстого. Влайков признается, что в это время в нем происходит существенная перемена, что он приобретает к другому пониманию искусства, которое должно ставить перед собою практические и этические цели. Влайков сживается с неправильной мыслью, что творчество Пушкина не отвечает такому пониманию искусства. Он мучительно, трагически переживает развенчание Пушкина, он переоценивает в своем сознании ценности, которыми до сих пор жил, утверждает в себе новые эстетические принципы, с точки зрения которых пересматривает и свою собственную практику писателя. Свою первую повесть «Дядювата Славчова внучка» («Внучка деда Славчо») он отрицает, как не содействующую тому, чтобы «поднять человека и гражданина».

«Этот критик со смелой, ищущей душою, — говорит Влайков о Писареве, — вышедший из среды так называемых «разночинцев», которые категорически отвергли чистое искусство, искусство, служащее только эстетическому наслаждению, которое не решился отречь даже великий Пушкин... целиком увлекает — и это не удивительно — и моего друга (Влайков говорит о себе в третьем лице. — В. В.), который попадает как бы в заколдованный круг...». Действительно, он не может примириться с развенчанием такого поэта, как Пушкин, культ которого продолжает таиться в глубине его души. Но все же идейные стихотворения Некрасова, которого он начинает жадно читать, заслоняют перед его духовным взглядом художественные творения Пушкина, которым он ранее так увлекался. И герои Чернышевского, которого ему также удалось прочитать, нравятся ему не меньше, чем некоторые из любимых героев Тургенева. Кончает Влайков тем, что и сам, не желая этого, начинает смотреть критическим взглядом Писарева на искусство и на недавно написанную им повесть³.

Признания Влайкова очень показательны. Они говорят не только о переменах во взглядах писателя на искусство, наступивших в результате чтения произведений указанных выше писателей. Более глубокая причина этих перемен лежит в об-

² Т. Г. Влайков. Преживяното, т. III. София, 1942, стр. 165.

³ См. Т. Г. Влайков. Завои. Из жизнения път на един писател и общественик. (Повороты. Из жизненного пути писателя и общественного деятеля). София, 1935, стр. 29, 30.

щественных условиях, в тех потребностях, которые создает жизнь в Болгарии и которые требуют, чтобы литература была актуальной и ставила перед писателем боевые задачи. В этом нас убеждают и признания народного поэта Ивана Вазова, который переживает аналогичную перемену в своем отношении к Пушкину. Как видно из его слов, Пушкин и Лермонтов воздействовали на него больше своим искусством, художественным мастерством, чем своим духом, потому что время выдвинуло перед писателем другую задачу — воспитывать по-граждански. Именно поэтому и он, подобно Влайкову, подпадает на известное время под обаяние Некрасова. Народный поэт сам говорит об этом: «В Пловдиве в это время (80-е годы прошлого века. — В. В.) я познакомился... с Некрасовым, который был тогда в большой моде в России и подпал под его влияние. Мне особенно понравилась его сатирическая речь и его реализм»⁴.

Обобщая изложенное, мы должны подчеркнуть, что болгарские писатели рассматриваемой эпохи, в отличие от своих предшественников, ценят в Пушкине преимущественно художника слова, гения изобразительного мастерства, а не активного социального борца, которого они не замечают в достаточной мере в его творчестве. Связанная непосредственно с социальной борьбой, болгарская литература того времени считала своими учителями преимущественно Гоголя, Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и др. Очень показательным в этом отношении является именно признание Вазова, хотя оно и относится к более ранней эпохе. Подчеркивая, что Пушкин и Лермонтов воспитали в нем взгляд художника, он добавляет, что дух их поэзии ему был чужд, он был «несовместим с теми юношескими порывами и идеалами», в которых нуждалось его поколение, «призванное к борьбе», и которому «было предопределено завоевать будущее».

Пушкин не перестает привлекать внимание болгарских писателей и читателей и в период с конца XIX века до конца первой империалистической войны, когда социальные противоречия обостряются и на арену решительно выступают болгарский пролетариат и крестьянство. Рядом с критическим реализмом в это время оформляются пролетарская литература и модернизм. Лирические стихотворения Пушкина, появляющиеся в периодической печати, дополняются переводами его крупных произведений — «Полтавы», «Каменного гостя», «Капитанской дочки», «Бориса Годунова», «Пиковой дамы», «Русалки» и др. Среди переводчиков в этот период выступают видные болгарские писатели: Пенчо Славейков, К. Христов, Л. Стоянов, Гео Милев, Ив. Ст. Андрейчин и др.

⁴ Ив. Д. Шишманов. Иван Вазов. Спомени и документи. София, 1930, стр. 66.

Наиболее значительными явлениями в критической литературе о Пушкине являются статьи Пенчо Славейкова — «Потаената скръб на поета», «Пушкин в България» и «Пушкин като национален поет», вышедшие в 1899 году по случаю столетия со дня рождения поэта. Славейков, высоко ценя творчество Пушкина, рассматривая его как отражение русского народного духа, высказывает, однако, некоторые неправильные мысли. Взгляды Славейкова на Пушкина, хотя и вызвали еще в свое время полемику, долгое время в той или иной степени оказывали влияние на болгарскую литературную мысль. Оставляя в стороне очень ценные для того времени сведения о распространении произведений Пушкина в Болгарии, мы должны отметить, что в статьях Славейкова своеобразно сочетаются мысли Достоевского о широкой отзывчивости Пушкина, как черты русского духа, с идеей конфликта между выдающейся личностью и обществом, конфликта, который, по его словам, лежит в основе трагизма и затаенной скорби великого поэта.

В 1912 году в Болгарии была отмечена 75-я годовщина со дня смерти Пушкина. Насколько сильным было его обаяние, какое влияние оказывало его творчество в условиях тогдашней литературной борьбы между различными направлениями, видно из недавно опубликованного дневника писателя П. Ю. Тодорова. 12 января 1912 года П. Ю. Тодоров пишет: «Русско-болгарское общество настаивает, чтобы я прочел доклад о Пушкине — с его смерти прошло 75 лет. Все «вопросы» нашей литературной действительности — язык, сюжет, форма, критика и т. д. разрешены в произведениях Пушкина».

Пенчо Славейков (1866—1912), почитатель и переводчик Пушкина, убежден, что его влияние на болгарскую литературу в целом и на ее отдельных представителей очень велико, хотя его и трудно установить. Он связывает с Пушкиным развитие всей русской литературы и говорит, что его эпоха открывает те пути, «по которым пройдет триумфальная колесница будущего», что Пушкин «встает во главе целой плеяды художников слова; к его голосу в конце нашего столетия прислушивается весь образованный мир...». Говоря о воздействии русской литературы на западноевропейскую, которая возрождается под влиянием русских писателей, которых он называет «апостолами общественной совести», Славейков продолжает: «А эти апостолы пошли по пути, проложенному Пушкиным»⁵.

Пенчо Славейков с ранних лет читает произведения Пушкина. В его комнате висел портрет поэта, которому он в известный период стремился подражать и внешне. Даже тогда, когда он учится в Германии, его интерес к русской литературе и, в

⁵ В. Велчев. Пенчо Славейков и руската литература. Известия на Института за българска литература, кн. VII. София, 1958, стр. 342 и след.

частности, к Пушкину не ослабевает — он приобретает переводы его произведений на немецкий язык.

На отношении Славейкова к Пушкину указывают и его переводы. Изучение рукописного наследия поэта позволило нам установить, что, кроме известных печатных переводов из Пушкина, Пенчо Славейков перевел также стихотворения «Ангел», «Дар напрасный, дар случайный» — в переводе оно озаглавлено «Живот» («Жизнь») и «Кавказ» (ранняя редакция). Все они сделаны в 1889 году и представляют собою одни из самых ранних переводов Пушкина в Болгарии⁶.

Если мы рассмотрим творчество самого Славейкова, то сможем в известном смысле сопоставить его стихотворение «Катунари» с поэмой Пушкина «Цыганы», описание боя в «Кървава песен» с местами из «Полтавы» и пр. Особое внимание Славейкова привлекали те произведения Пушкина, в которых раскрывается его понимание сущности и роли поэта в жизни, — «Пророк», «Эхо» и др. Эти произведения, хотя и своеобразно поняты, не остались без влияния на эстетическое кредо Пенчо Славейкова. Значительный интерес представляет, однако, то отражение, которое находит в творчестве Славейкова гуманизм Пушкина. По собственному признанию Славейкова, он вскормлен русскими художниками слова, которые научили его искать «человека даже в звере». Между этими русскими художниками рядом с Тургеневым, Толстым, Короленко, Бессорно, находится и Пушкин. Очарованный русскими писателями, Славейков оказывается в состоянии дать правильную оценку западноевропейской литературе: «Тут родилась и моя ненависть к современным европейским героям пера, которые, будучи лишены разума, сердца, ищут и ценят только зверя в человеке». Особенно сильное влияние имел на Славейкова Пушкин как художник. Общественная направленность творчества Пушкина, его политическая актуальность, реализм недостаточно привлекают внимание болгарского поэта. Он видит в Пушкине исключительного, «необыкновенного художника», произведения его «просты, как проста и красота», «они—сама поэзия». Славейков пишет: «Настроения, мысли и чувства Пушкина облечены в такую художественную форму, содержание и форма слиты так гармонично, как это бывает только у первостепенных художников, как, например, у Гете».

Петко Тодоров — один из самых горячих поклонников русской литературы и особенно Пушкина. Его первый и единственный биограф Иван Кириллов говорит, что, еще будучи учеником в Тырновской гимназии, он читал произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого. Позднее Тодоров выступает как один из хороших знатоков русской литерату-

⁶ См. В. Велчев. Пенчо Славейков и руската литература, стр. 345 и след.

ры. Его любовь к ней обращает на себя внимание всех, кто его знает. Встретившись с ним в 1913 году, один русский журналист, корреспондент «Киевской мысли», писал: «Он (П. Ю. Тодоров. — В. В.) горел пламенной любовью вообще к литературе, но русскую литературу и русских писателей любил как-то болезненно. Он чувствовал, как художник, глубокую кровную связь именно с русской литературой». Особое внимание следует обратить на то, что Петко Тодоров был связан с прогрессивными, революционными традициями русской литературы. В статье, опубликованной во французской печати, касаясь отношений Болгарии к России, останавливаясь на месте русской литературы в духовной жизни своей родины и восставая против русского царизма, Петко Тодоров подчеркивает: «Что же касается русской литературы, то болгарский народ сформировался под влиянием не официальной царской литературы, а той, которую царь стремился загнать в степи Сибири или истязать в подвалах темниц». Именно у этой литературы учится и сам П. Ю. Тодоров.

Петко Тодоров высоко ценил Пушкина, видя в его лице своего учителя. В записной книжке с набросками творческих замыслов и планов мы видим, что план его повести «Счастье» несколько напоминает пушкинских «Цыган».

Поэзия Пушкина пленяла и выдающегося болгарского поэта П. К. Яворова (1878—1914). Согласно новейшим исследованиям, он с ранних лет читал произведения своего собрата по перу. Молодым человеком он переводил «Капитанскую дочку», доставал запрещенные стихотворения Пушкина. Яворова привлекала и жизнь, и исключительная участь гения русской поэзии. Не лишена основания и та догадка, что обаянию Пушкина обязана и легенда об арабском происхождении Яворова, которую он сам поддерживал. В отдельных произведениях Яворова можно увидеть отражение поэтического блеска Пушкина, например картины утра и бури в «Градушка» («Град») и соответствующие места из «Медного всадника» и «Полтавы». Однако гораздо более существенными являются художественный вкус, утверждение взгляда на поэта как на борца, сближение поэзии с желаниями народа, мужественная бодрость и воля к борьбе при отстаивании своих идеалов. Все эти элементы своеобразно и плодотворно влились в поэзию Яворова, утверждая и активизируя линию его собственного творческого развития. Как мы видим, под влиянием Пушкина болгарские писатели приступают к разрешению новых вопросов, к утверждению национального характера болгарской литературы, к пониманию роли поэта как борца за высокие идеалы.

Нельзя, однако, не отметить что в эту эпоху Пушкин воспринимается односторонне, оказывает влияние преимущест-

венно как художник, воспитывая в некоторых поэтах гуманизм возвышенный, но в большей или меньшей степени оторванный от непосредственных нужд социальной борьбы. Очень важно отметить в этой связи, что вокруг взглядов Пенчо Славейкова на Пушкина разгорается ожесточенная полемика, что против них выступает критик Йордан Макарийопольский, который в то время отстаивал принцип реализма в литературе и видел у Славейкова отступление от этого принципа.

* * *

Период с конца первой империалистической войны до победы трудящихся 9 сентября 1944 года является новым этапом в развитии болгарской литературы. Действительно, влияние Великой Октябрьской социалистической революции, активный массовый отпор фашизму, демократизация литературы и переход ряда писателей — критических реалистов и символистов — на сторону народа, а также утверждение социалистического реализма — все это поставило перед болгарской литературой новые задачи. Естественно, что в этот период наиболее сильным оказывается интерес к советской литературе. Горький и Маяковский, Шолохов и Островский, революционный Блок и Алексей Толстой владеют умами прогрессивных читателей и писателей. Не уменьшился и интерес к Пушкину. В этот период переводятся многие его стихотворения, появляются новые издания старых переводов или новые переводы «Полтавы», «Русалки», «Руслана и Людмилы», «Скупого рыцаря», «Цыган», «Кавказского пленника», «Капитанской дочки», «Кирджали», «Пиковой дамы», «Бориса Годунова», «Евгения Онегина» и др. Наиболее активными переводчиками являются видные писатели-антифашисты: Л. Стоянов, Хр. Радевский, Мл. Исаев, Ор. Василев, Б. Райнов, Н. Хрелков, Кр. Пенев, М. Грубешлиева, Ел. Багряна, П. Матеев и др. Значительным событием этого периода является появление на болгарском языке (под редакцией Л. Стоянова) Собрания сочинений Пушкина в 10 томах. Отдельные тома сопровождаются объяснительными статьями, которые отражают успехи советского пушкиноведения. Осуществление этого издания в разгар второй мировой войны сыграло большую роль на идеологическом фронте.

Особенно важное значение для выяснения проникновения Пушкина в Болгарию и его воздействия на болгарских писателей имеют признания Людмила Стоянова, одного из наиболее активных переводчиков Пушкина в Болгарии. Он говорит о том впечатлении, которое произвело на него знакомство с поэзией Пушкина, и о влиянии Пушкина на других поэтов. Первым произведением Пушкина, которое он прочел, была «Песнь о вещем Олеге» в переводе Пенчо Славейкова (1896). «Помню, — пишет Стоянов, — что когда я 16-ти лет прочел

эту поэму, во мне родилась жажда близко познакомиться с Пушкиным; она была может быть первым толчком к поэтическим опытам и очень скоро раскрыла передо мной необозримое богатство пушкинской поэзии»⁷.

Говоря о воздействии Пушкина на других болгарских поэтов, Стоянов рассказывает и о своем росте, который совершался под благотворными лучами пушкинской музыки. «Нет болгарского поэта, начиная с Ботева, Вазова, Пенчо Славейкова, Яворова и кончая наиболее значительными представителями современной литературы, который не испытал бы на себе благотворного влияния Пушкина. Вспоминаю мое первое знакомство с его поэзией. Я был ослеплен силой, многообразием, смелостью и многоцветностью пушкинского поэтического слова. Прочел Пушкина в оригинале — благодаря ему я изучил русский язык. Он открыл мне мир поэзии и обучил меня поэтическому искусству»⁸.

Великий пролетарский поэт Хр. Смирненский (1898—1928), основоположник социалистического реализма в болгарской литературе, является одним из восторженных почитателей Пушкина. Товарищи Смирненского единодушно говорят о его горячей любви к русской литературе, об увлечении ею и прежде всего Пушкиным. «Его самыми любимыми (авторами. — В. В.) были Пушкин, Крылов, Лермонтов, Максим Горький, Тургенев», — пишет о Смирненском Г. Д. Ников. Пушкин для Смирненского не только поэт, но и гражданин, который укрепляет его мировоззрение. Воспитанный в таком духе великим русским поэтом, Смирненский в этом же направлении влиял на своих товарищей. «Христо вводил нас в духовный мир наших и иностранных писателей, главным образом русских, — говорит Тома Янев. — Он возбудил в нас интерес к творчеству Максима Горького, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, о которых он говорил с увлечением и волнением как о борцах за лучшую участь человечества. И Христо делал вывод, что мир должен стать лучше, но что это не придет как дар неба».

Елена Димитрова, исследовательница Смирненского, дает в своей подготовленной к печати работе интересные данные об отношении Смирненского к Пушкину. Еще первые шаги Смирненского в поэзии носят на себе следы благотворного творческого соприкосновения с автором «Евгения Онегина». Смирненский переводит стихотворение Пушкина «Десятая заповедь» (1917), пролог к поэме «Руслан и Людмила» (1918) и др. Характерным, однако, для него является сво-

⁷ Л. Стоянов. Пушкин в световната литература. Предговор към: А. С. Пушкин. Събрани съчинения, т. II. София, 1942, стр. 26.

⁸ Л. Стоянов. Представител на човечеството. Пушкинов лист 1837—1937.

бодное отношение к оригиналу. Некоторые из этих произведений поэт сам назвал «вольными переводами». Важнее в этом случае то, что Смирненский вводит новые элементы в переводимые им пушкинские произведения, подчиняя их таким образом своему отношению к действительности.

Влияние Пушкина было заметно и на первых самостоятельных произведениях раннего периода его творчества. Его стихотворения «На 42 набор» («42-му набору») и «Ние сме весели бродяги» («Мы веселые бродяги»), напечатанные в 1917 году, по своему духу и форме отражают черты так называемой анакреонтической лирики Пушкина.

Пушкин оказал воздействие на Смирненского и яркостью и рельефностью своих образов, и остротой и беспощадностью своей сатиры, и краткостью и меткостью своих эпитграмм. Но наиболее сильное и благотворное его воздействие на болгарского поэта заключалось в политическом пафосе его творчества, в его гражданском поведении борца против самодержавного строя, в его мыслях о высокой общественной миссии поэта. Разумеется, как поэт революционного пролетариата, Смирненский вырастает после первой империалистической войны, сближаясь с болгарским рабочим классом. Это сближение является основным источником его яркой партийности, страстной ненависти к миру эксплуататоров и угнетателей, горячей веры в победу социализма, пламенной любви к борцам за новые социальные идеалы. Именно на этой основе пример Пушкина как поэта-борца, его ненависть к миру угнетения, свободолюбивый пафос и устремленность его творчества к более высоким формам общественных отношений помогают Смирненскому укрепить талант, развить свою творческую индивидуальность, найти собственный путь поэта другой эпохи, живущего в других исторических и национальных условиях, пользующегося другим творческим методом.

Для эпохи антифашистской борьбы очень характерным является отношение к Пушкину самого талантливого поэта этой эпохи Николая Вапцарова (1909—1942). Воспоминания о нем свидетельствуют о его живом интересе не только к советской, но и к русской классической литературе. Ее боевой, героический, освободительный характер был созвучен настроениям Вапцарова в условиях фашистского гнета. В товарищеской среде он с воодушевлением декламировал и читал произведения Пушкина и Лермонтова. Вапцаров любит Толстого, Некрасова, Гоголя, Чехова, Чернышевского и Добролюбова, но перед Пушкиным он испытывает истинное благоговение. Для него Пушкин—поэт в истинном, самом высоком смысле этого слова. Он видит в Пушкине непревзойденного в поэзии гения, который может служить образцом всего самого возвышенного в области поэтического искусства. «Каждый поэт должен учиться у Пушкина, — говорит он убежденно. — Теперь.

многие из нас пишут какие-то особенные стихотворения или, говоря точнее, стихоплетствуют. Пушкин — гений, равного которому трудно найти».

Для Вапцарова Пушкин — один из тех поэтов, которые открывают ему путь деятельности в жизни, которые указывают выход из трудностей, рисуют перспективы лучшей участи человека. Говоря о своем увлечении западноевропейскими писателями, Вапцаров признается: «Все эти писатели учили меня разоблачать зло, но одновременно успокаивали меня утешительными иллюзиями». Как деятельная натура, Вапцаров не удовлетворяется одной констатацией общественных язв и пассивным негодованием. «Они (западные писатели. — В. В.) не помогли мне понять, — продолжает он, — что я должен делать, кто виноват в том, что миллионы людей пробуждаются с мучительной мыслью о ежедневном куске хлеба, а другие, меньшинство, тонут в роскоши и бездельи». Противопоставляя русских писателей западноевропейским, Вапцаров кончает: «На все эти вопросы мне дали ответ великие русские классики». Как видим, русские писатели, а среди них, несомненно, и Пушкин, дают Вапцарову не только знание жизни, но и объясняют ему эту жизнь, раскрывают перед взором поэта классовый антагонизм общества, подсказывают ему выход, ведущий к преодолению классовых несправедливостей, укрепляют уверенность поэта в борьбе против них.

В этот период в критической литературе о Пушкине появляется много работ, дающих идеалистическое толкование его творчеству, — работ, которые стремятся притупить социальную остроту его поэзии, игнорируют общественную направленность его творчества. Есть даже случаи опубликования статей, в которых недооценивается или даже дается неблагоприятная оценка роли русской литературы в этот период. Но к этому же времени относятся и некоторые опыты научного освещения творчества Пушкина, преодоления очень распространенного у нас идеалистического, в основном славянофильского, взгляда Достоевского на великого русского поэта. Нужно, однако, особенно подчеркнуть, что для популяризации Пушкина в течение юбилейного 1937 года было сделано много, что главная заслуга в этом отношении принадлежит прогрессивной болгарской интеллигенции. Чтобы пробудить общенародный интерес к Пушкину и всему русскому народу, делались новые переводы, читались публичные лекции, печатались статьи, писались стихотворения, прославлявшие великого поэта.

Большим проявлением любви к Пушкину является богато иллюстрированный юбилейный лист «А. С. Пушкин. 100 лет со дня его смерти», изданный 20 февраля 1937 года под редакцией Гьончо Белева. В нем помещены статьи, переводы, стихи о Пушкине видных общественных деятелей, литератур-

ных критиков и писателей (Т. Павлова, Т. Самодумова, Трудина (Савва Гановский), Г. Бакалова, Л. Стоянова, Н. Хрелкова, Ил. Саева, А. Тодорова, М. Марчевского, М. Грубешлиевой, Кр. Белева, Г. Цанева, П. Матеева, Кр. Пенева и др.). Рядом со статьями болгарских авторов даны статьи советских литературоведов — А. Цейтлина, В. Вересаева, К. Чуковского, В. Кириотина и др. Благодаря этому изданию в Болгарию в период господства фашизма проникли понимание и оценка пушкинского литературного наследства советским литературоведением, которое раскрыло характер пушкинского реализма и утвердило национальное и мировое значение великого поэта. Показывая влияние Пушкина на болгарскую литературу, писатели и критики особо подчеркивали, что в Болгарии Пушкин содействовал общественному развитию, потому что он прозрел и выразил «многое из тенденций будущего» (Трудин), научил болгарскую интеллигенцию «веровать в самые возвышенные идеалы человечества и бороться за них» (Л. Стоянов).

Чествование Пушкина в 1937 году вылилось в яркое проявление солидарности болгарского народа со всем прогрессивным человечеством, в мощную манифестацию любви к его авангарду — Советскому Союзу. «Поэтическое дело Пушкина, — пишет Л. Стоянов в статье, озаглавленной «Представитель человечества», — объединяет теперь мысли всего культурного человечества и обращает их к стране, в которой его гений находит самую высокую оценку и самое полное признание. Художник, гуманист, романтик, борец за лучшее будущее человечества, ненавистник самодержавия и зазнавшейся дворянщины, Пушкин теперь встает во всем своем величии и достойно занимает свое истинное место. Только в стране новой культуры, в свободной Стране Советов Пушкин смог найти доступ в сердца миллионов, действительно приобрести любовь калмыка и тунгуса, всего народа как «малого», так и «большого».

Знаменательно, что многие прогрессивные поэты выразили свое преклонение перед Пушкиным восторженными стихотворениями о нем. Они видят в великом поэте борца за новый мир, художника-гражданина, который вел жизнь вперед, который своим пламенным порывом к свободе подготовил счастливое настоящее своей Родины. В течение этого периода Дим. Полянов (1876—1953) первый пишет стихотворение, в котором прославляет Пушкина, видя в нем предвестника новой жизни, утвержденной революцией («Съдът на безсмъртните 1917—ноември 1919»). После Полянова больше всего стихотворений, посвященных Пушкину, появляется в 30-х годах, точнее, в юбилейном 1937 году. В столичной и провинциальной прессе, в специальном юбилейном издании под редакцией Гьончо Белева и в других изданиях, посвященных Пушкину, помещаются во-

сторженные поэтические произведения. В числе поэтов, которые создают произведения, посвященные Пушкину, Мária Грубешлиева, Младен Исаев, Пантелей Матеев, Крум Пенев, Ангел Тодоров и др.; творческим словом они выражают свое преклонение перед великим русским поэтом, создавая художественно убедительные образы. Наиболее значительные творческие завоевания в этот период принадлежат Николе Вапцарову.

Вполне естественно, что Вапцаров — горячий поклонник русской классической литературы и особенно Пушкина, пишет стихотворения, посвященные великому русскому поэту. В стихотворении «Пушкин», написанном в юбилейном 1937 году в свободном ямбическом стихе, подобном стиху Маяковского, Вапцаров раскрывает образ великого поэта на фоне его эпохи. В тоне сдержанной исповеди, интонацией разговорной речи, простыми, но выразительными поэтическими красками Вапцаров создает стихотворение, замечательное по своей идейной содержательности. Его поэтическая исповедь начинается с описания России времен Пушкина, когда в стране царили невежество, гнет, духовная инертность масс и на почве всего этого процветал дворянский разгул:

Русия — мрак.
Русия — гнет.
Неразорана целина.
Вертеп...
Свирепа тишина.
На север — тундри, ветрове,
на юг — безкрайни диви степи.
А времето не бърза,
крета
като бездомно,
старо псе.

(Россия — мрак.
Россия — гнет.
Невспаханная целина...
Водоворот
и... тишина.
На север — тундра да ветра.
На юг — степной ковер огромный.
Плетется время
не спеша,
как старый пес,
как пес бездомный).

(Перевод В. Журавлевой)

Этой картине Вапцаров противопоставляет современное ему положение в Советском Союзе. Если в мрачном прошлом для русского народа остались недоступными плоды пушкинского поэтического гения, то «сегодня» созданы другие условия жизни, которые открывают иные перспективы и для жизни народа, и для судьбы отдельного человека. И это потому, что

единение трудовых классов, руководствующихся в своей борьбе идеологией пролетариата, создает новую жизнь для народа, новую участь для поэта:

Тогава простия народ
не знаеше за твойте песни,
Ти беше чужд и неизвестен.
Но его днес —
трудът задружен,
задружния човешки ход,
и тази обща светлина
роди един щастлив живот.

(Тогда неграмотный народ
не знал твоих чудесных песен.
Ты был для многих неизвестен.
Но вот сегодня —
труд совместный,
всеобщий коллективный труд,
и свет, что вспыхнул повсеместно,
в России счастье создают).

(Перевод В. Журавлевой)

Именно в этой новой, счастливой жизни нет трагической отчужденности между народом и поэтом. Освобожденный рабочий уже может обратить свой взор и на прелести природы, и на красоту искусства; он может «во время своего обеденного отдыха» читать Пушкина и считать его своим «товарищем», потому что и он — создатель, вдохновитель нового этапа исторического развития:

Той има хляб,
и гордостта,
че там — във фабричния грохот
мазолестата му ръка
твори една епоха.
И не тревожен, той разбира
отде извира песента.

(У слесаря есть хлеб.
И он
гордится ныне, что неплохо
своей мозолистой рукой
творит свою эпоху.
И он, спокойный, понимает,
откуда песня
бьет ключом
и почему).

(Перевод В. Журавлевой)

Этот выросший в борьбе рабочий понимает поэзию Пушкина, понимает причины гибели поэта — жертвы одного класса, стремившегося остановить движение за справедливость, новую жизнь, созвучную вольной песне Пушкина.

Но, неуспяла в своя пробив —
живота тръгна пак напред,

живота, сринал тези тесни
стени. И простия народ,
се влюбил в чудните ти песни,
и в своя нов живот.

(Но жизнь,
сметая мир тот тесный,
шла все вперед и все вперед.
И полюбил простой народ
твои чудеснейшие песни).

(Перевод В. Журавлевой)

Пушкинской поэзией наслаждается не один только рабочий, ею живет и счастливая колхозница, которая любит молодого матроса. Поэзия Пушкина сливается для нее с красотою колхозных полей, со счастьем ее собственной жизни:

Едно момиче от колхоза
обича млад матрос.
И тъй — неволно, без да ще,
напева твои стихове.
И после спира...
Златна шир
наоколо. И класове.
Усмихва се и разцъфтява
на устните ту ален мак: —
«Ах, с колко радост се живе,
мой млад, любим моряк!»

(Одна девица из колхоза
влюбилась в юного матроса
и так невольно
стих твой звучный
поет
и замолкает вдруг...
Вокруг пшеница
золотится,
и ширь безбрежная вокруг
Она поет, она смеется —
улыбка на устах, как мак:
«Ах, нам так радостно живется,
мой молодой моряк!»)

(Перевод В. Журавлевой)

Стихотворение Вапцарова показывает, каким великим примером может служить опыт советского народа для его родины. Рисуя в начале стихотворения нерадостную картину России времен Пушкина и счастливое настоящее советской страны, Вапцаров в конце того же стихотворения с исключительной экономией поэтических красок противопоставляет Стране Советов свою родину, в которой свирепствует фашизм. Этим он как бы побуждает народ стремиться к лучшей жизни. Но вместе с тем он раскрывает и роль поэта на своей родине, свою собственную миссию борца и разоблачителя. Для него является поучительной участь Пушкина, величие которого вполне проявляется только в эру социализма. Участь

этого поэта способствует рождению его социального оптимизма. Поэзия Пушкина помогает ему оттачивать свое перо.

Стихотворение Вапцарова, исключительно богатое по своему содержанию, блестящее по простоте, размеренности и экономии поэтических средств, является маленькой пьесой, которая рисует судьбы двух народов и через образ и судьбу Пушкина указывает на миссию поэта в новых условиях жизни.

* * *

После установления в Болгарии народной власти и утверждения в литературе метода социалистического реализма в страну открывается широкий доступ русской и советской литературе. После 9 сентября 1944 года каждая годовщина со дня рождения или смерти Пушкина отмечается восторженными статьями, публичными докладами и т. д. В этой исторической обстановке празднование 150-летия со дня рождения Пушкина в 1949 году превратилось в общенародный праздник не только в честь великого русского поэта, но и в честь советской культуры. В этом юбилейном году рядом молодых поэтов были написаны стихотворения о Пушкине.

Пушкин глубоко врос в болгарскую национальную культуру и литературу. В 1937 году Георгий Бакалов вполне справедливо писал: «С того времени как Пушкин вошел в болгарскую литературу, вот уже девятое десятилетие, его влияние никогда не прекращалось. Оно оплодотворяло всю болгарскую поэзию». Показательным является то, что борец за новый мир, восторженный певец свободы, непревзойденный художник Пушкин оказывал влияние на развитие болгарской культуры в различные периоды. Испытывая это влияние, болгарские писатели и поэты в то же время не подражали Пушкину. Наоборот, в большинстве случаев поэтическое мастерство Пушкина стимулирует собственные творческие порывы болгарских поэтов, помогает им найти их собственный писательский облик, утверждает их в творческой самобытности, дает опору для реализма, для национальной специфики их произведений.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961